

ОТБЛЕСКИ
ЭТЕРНЫ

ВЕРА КАМША

ПЛАМЯ ЭТЕРНЫ

Вера Викторовна Камша
Пламя Этерны
Серия «Отблески Этерны
(Сериял Этерна)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127695

Эксмо;
ISBN 5-699-05789-7

Аннотация

Принц Ринальди Ракан обвинен в насилии над представительницей Великого Дома Борраска. Справедливо ли обвинение? Какая кара ждет преступника? Какая судьба ждет страну и весь род Раканов?

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	11
3	17
4	22
5	26
6	30
7	41
8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вера Камша Пламя Этерны

Роману Папсуеву

© Камша В.В., текст, 2022

* * *

Часть первая

Капкан Судьбы

*И зыбью рук отсеченных,
Венков и спутанных прядей
Бог знает где отозвалось
Глухое море проклятий.
И в двери ворвалось небо
Лесным рокотаньем дали.
А в ночь с галерей высоких
Четыре луча зывали.*

Федерико Гарсиа Лорка

1

Мастер

– Мой эпиáрх¹, вытяни руку с кистью и заметь, как соотносятся части лица друг с другом, а потом отметь такое же соотношение на рисунке, – Диáмни Кóро, крепко сбитый молодой человек, ободряюще улыбнулся худенькому сероглазому юноше, почти подростку, – это совсем несложно.

– Несложно, но у меня никогда не получится, – юноша

¹ Титул брата или совершеннолетнего сына правящего монарха – **анакса**.

аккуратно отложил кисть, – у меня вообще ничего не получается. Ни в чем и ни с кем. Я даже не могу тебя заставить называть меня по имени.

– Прости, Эрнани, – художник покаянно вздохнул и вдруг засмеялся, отчего его на первый взгляд заурядное лицо стало необычайно привлекательным, – только я – простолюдин, а ты – эпиарх. Через такое, знаешь ли, переступить трудно.

– Я понимаю, – быстро заверил Эрнани и, чуть поколебавшись, добавил: – Мне следовало родиться в другой семье, там моя беспомощность не так бы бросалась в глаза. Хорошо, что я младший, мне можно остаться никем.

Диамни предпочел промолчать. Конечно, Эрнани Ракану никогда не стать воином; с его болезнью это просто невозможно, но хороший правитель отнюдь не обязан махать мечом лично. При хорошем правителе не бывает ни войн, ни восстаний и в цене не оружие, а статуи и картины.

Покойный анакс приказал обучать младшего брата живописи потому, что великий Лэнтиро Сольега с детства страдал той же болезнью ног, что и эпиарх. Сольега победил свою беду, но чтобы стать великим мастером, быть калекой мало – нужно, чтобы весь свет сошелся на кончике твоей кисти, а мысли Эрнани далеки от гипсовых голов и глиняных ваз. Беднягу тянет в большой мир, который от него отворачивается. Эпиарх мечтает о воинских подвигах, неизведанных краях, любви... Конечно, юноше не грозит одиночество, но он достаточно умен, чтобы понять: в нем ценят брата анак-

сов, а не его самого.

– Мой эpiarх... Эрнани, вернись с облаков на землю! Скоро стемнеет, а при светильниках тени ложатся совсем иначе.

– Да как бы они ни ложились, толку-то!..

В обычно спокойных серых глазах мелькнула бешеная искра, отчего юноша стал похож на своего братца Ринальди, не к ночи будь помянут. Не то чтоб Диамни не любил нынешнего наследника трона, но в присутствии Ринальди ощущал себя вбежавшим в логово леопарда кроликом. Увы, Эрнани на эpiarха-наследника разве что не молился, именно таким – бесшабашным, отчаянным, острым на язык, по его мнению, и должен был быть настоящий мужчина.

К несчастью, Ринальди был хорошим братом; хорошим в том смысле, что, маясь в столице от безделья, навещал калеку чаще занятого государственными делами Эридани. Другое дело, что после болтовни о войнах, охотах и любовных победах юноша становился еще несчастней. Диамни несколько раз порывался поговорить с Ринальди начистоту, но не решался. Средний из братьев Раканов был не из тех, кто станет слушать безродного мазилу, а нарываться на грубость художнику не хотелось.

– Эрнани, если ты хочешь научиться рисовать...

– А я не хочу! – с неожиданной яростью перебил ученик. – Мне велел Анэсти, но у меня ничего не выходит. И не выйдет, потому что я не хочу.

– Скажи об этом братьям.

– Зачем? – Ученик упрямо сжал губы. – Тогда мне пришлют жреца-утешителя², или чтеца, или геометра. Или еще кого-нибудь, чтобы меня занять, и будет только хуже. С тобой я хотя бы могу не врать. Давай лучше рисовать будешь ты, а я просто смотреть.

– Эрнани, мне платят не за то, чтобы я рисовал.

– Тебе платят за то, чтобы я не лез на стену, – Эрнани откинул со лба светло-каштановую прядь, – и у тебя это получается. С тобой мне легче, чем без тебя, и у меня есть глаза. Ты рожден художником, только тебе не нравится дворец.

– Ты так думаешь?

– Да, иначе на твоих рисунках люди были бы лучше, а так... Когда я на них смотрю, то начинаю бояться Эрида́ни. А Беатриса – она же мухи не обидит... Почему ты из нее сделал какую-то гиену, а из Ринальди леопарда?

– Твой брат в самом деле похож на леопарда, – улыбнулся художник.

– Похож, – согласился эпиарх. – С Рино ты прав и со старым Борраской, пожалуй, тоже, но остальные...

– Остальных исправлю. Сам не знаю, почему у меня так получается. Наверное, мне и впрямь тяжело среди знати.

– Просто ты очень гордый, – подсказал Эрнани, – вот тебе и кажется, что на тебя косо смотрят. А Ринальди все равно,

² Служитель культа **Абвениев**, четырех богов – создателей Кэртианы – **Лита**, **Анэма**, **Унда** и **Астрапа**. Подробнее см. Приложения.

кто чей родич, он или любит, или нет.

– Меня он не любит.

– А ты его еще больше не любишь. И зря.

Диамни пожал плечами. Он и впрямь опасался Ринальди с его красотой, наглостью и пренебрежением ко всему, что его сей момент не занимало. Художник про себя попросил Абвениев, чтобы Эридани наконец женился и обзавелся потомством. Оставлять анаксию на Ринальди опасно, а судьба старшего из братьев Раканов доказывает, что рок караулит государей точно так же, как и простых смертных. Если, конечно, это был рок.

– Когда государь наконец женится?

– В следующем году, – пообещал эпиарх, – осенью. Раканы всегда женятся осенью, но кто она, пока неизвестно.

Следующей осенью... Значит, наследник появится в лучшем случае еще через год! Если б Диамни Коро спросили, он посоветовал бы анаксу на это время отправить красавца Ринальди на столь любезную его сердцу войну. А если это невозможно, запереть в какой-нибудь отдаленной крепости и приставить к нему сотню храмовых стражников. Но Эридани Ракан не имел обыкновения советоваться с художниками.

2

Эпиарх

Диамни собрал свои кисти и ушел. Он был трижды счастлив, этот художник, – потому что родился здоровым, потому что до безумия любил свое дело и потому что не принадлежал к семье анаксов. Эрнани вздохнул и постарался сосредоточиться на гипсовом слепке. Совершенное в своей правильности лицо с пустыми белыми глазами вызывало тревожное чувство. Для Диамни Астрап был всего лишь копией знаменитой скульптуры, для Эрнани Ракана – напоминанием о том древнем и чудовищном, что спало в его крови.

Эпиарх призвал на помощь всю свою волю и принялся за рисунок. На чистом листе начала проступать безглазая голова, окруженная похожими на змей локонами, и тут юноша заметил ошибку. Диамни тысячу раз объяснял, как должен располагаться рисунок, но у Эрнани изображение отчего-то вечно сдвигалось в верхний левый угол. Эпиарх задумался, что делать дальше – попытаться исправить, оставить как есть или начать сначала, и решил довести до ума то, что вышло. Слепые глаза Владыки Заката раздражали, и Эрнани неожиданно для себя самого пририсовал сначала зрачки, а потом и ресницы. Лицо на рисунке стало не таким отталкивающим, и ученик мастера Диамни, закусив губу, принялся переделывать бога в человека.

– И с какой это радости ты взялся за мою особу?

От неожиданности Эрнани вздрогнул, выронив грифель.

За его плечом стоял Ринальди.

– Я не заметил, как ты вошел.

– Еще бы, ты так увлечен искусством. Вот уж не думал, что это заразно. Ты не казался человеком, готовым отдать душу за удачную картинку.

– Это Астрап. – Странно, на рисунке и впрямь Рино. Наверное, скульптор взял за образец если не кого-то из Раканов, то Марикьяре – кому, как не Повелителям Молний, походить на своего бессмертного прародителя?

– Ну, задумался? – средний брат дернул младшего за ухо. – Скажи хоть, о чем.

– Об Ушедших, – не стал темнить юноша. – Понимаешь, мы рисовали гипсовую голову, потом я зачем-то переделал ее в живую, и получился ты.

– Ты хочешь сказать, что я похож на это чудовище? – Ринальди кивком указал на скульптуру. – Будь это так, со мной ни одна женщина не то чтоб спать, разговаривать бы не стала. И вообще, не верится мне что-то в наше божественное происхождение.

– Почему?

– Да потому, что тогда бы наши предки обходились без армий. Не спорю, Раканы были великими владыками, но людьми, а остальное – сказки, хоть и полезные.

– Кольца Гальтар, Цитадель, Лабиринт – не сказки!

– Тот, кто все это возвел, и впрямь управлял силами, которые нам и не снились. – Ринальди был непривычно серьезен. – Только мир куда больше Гальтар при всей их... величественности. Анаксы зря пыжятся и корчат из себя премников Ушедших. Пока анаксия в силе, это нетрудно, да и самолюбию льстит, но стоит хотя бы раз по-крупному проиграть, и все полетит к демонам. Если простонародье поймет, что им тысячелетиями повелевали лжецы, которые могут сжечь город, но не горы, нас сметут, как крошки со стола. И правильно сделают. Ты не покидаешь Цитадель, а мне здесь скучновато. – Брат залихватски подмигнул, и Эрнани почувствовал, что краснеет. Ринальди менял женщин, как рубашки, и не брезговал выходить на поиски приключений в одежде простолюдина.

Эридани пробовал унять эpiarха-наследника, но тот лишь смеялся и махал рукой. В конце концов анакс удовлетворился клятвенным обещанием Ринальди не повторять выходки своего побратима Чезаре, по весне сбежавшего с невесткой Повелителя Скал, и по возможности не трогать жен и дочерей эориев³. Впрочем, Эридани отнюдь не был уверен, что брат держит даже это слово.

– Эрно, – Ринальди снова смеялся, – прекрати думать о

³ Наиболее адекватное значение – «существующие здесь и сейчас», «бытийствующие» – прямые потомки **Абвениев**. Эориев различают по принадлежности к одному из четырех Великих Домов – **Скал** (потомки Лита), **Ветров** (потомки Анэма), **Воли** (потомки Унда), **Молний** (потомки Астрапа). Подробнее см. Приложения.

женщинах, они по большей части того не стоят! Так вот, я, как ты знаешь, частенько таскаюсь по тавернам и площадям. В последнее время Гальтары заполонили эсператистские проповедники.

– Эсператистские? – юноша непонимающе уставился на брата. – Я слышал это слово, но и только.

– Спроси при случае своего мастера. Он, надо полагать, в состоянии тебя просветить.

– Рино, ну сколько можно дразниться. Раз уж начал, договаривай, кто они и чего хотят?

– Эсператисты – это... – эпиарх-наследник на мгновение задумался, – такие люди. Они считают, что наш мир и еще кучу таких же слепил некто, кого они называют Создателем, уж не представляю, зачем это ему потребовалось. Создал и ушел куда-то, но вернется. Когда-нибудь. Может – завтра, а может, через тысячу лет. Хороших наградит, плохих накажет. Хорошие – это, разумеется, те, кто слушает проповедников.

– А как же Ушедшие?

– Они теперь не боги, а демоны, которые захватили власть, когда Создатель отвернулся, а потом прослышали, что хозяин возвращается, и удрали.

– Бред какой-то...

– Бред, – согласился Ринальди, – но кому-то нравится. Если Эридани не покажет, кто в доме хозяин, лет через десять эсператисты попробуют нашу божественность на зуб.

– Пусть пробуют. Они узнают, что такое Сила Раканов.

– Ты и впрямь так думаешь? Тогда ответь, зачем потребовалось стаскивать старика Борраску с молодой жены и посылать в Гайифу давить очередной мятеж, не проще ли показать смутьянам Зверя? Зачем кормить солдат, прознатчиков и стражников, если достаточно глянуть в зеркало или сжечь на подносе пучок травы?

– Раканы вправе использовать Силу, только если речь идет о жизни и смерти анаксии.

– Разрубленный Змей! – Ринальди ловко подхватил брата на руки, перенес через комнату и усадил на широкий подоконник, а сам пристроился рядом. – Да будь у анаксов пресловутая Сила, они бы пускали ее в ход где надо и где не надо, а жрецы с менторами объясняли, что без этого Кэртиана погибнет, вымрет, рассыплется в прах и сгорит лиловым пламенем!

– Рино, – младший брат смотрел на среднего сразу с ужасом и восторгом, – ты же не станешь отрицать существование Капканов Судьбы и анаксианских регалий?

– Нет, конечно, но если у тебя есть кот, не выдавай его за льва. Что-то магия, безусловно, может, а мы и впрямь способны к ней больше других эориев, не говоря уж о простонародье, только войны, братец, выигрываются мечом, а мир – золотом. Не надо считать себя сильней, чем ты есть.

– Ты это Эридани скажи, – засмеялся Эрнани.

– Бесплезно. Наш анакс слишком серьезно относится к

доставшимся ему от Анэсти игрушкам. Он скормит нас обоим Изначальным Тварям, или кто там на самом деле сидит в катакомбах, но не признаёт, что его распрекрасные реликвии всего лишь вещи, пусть и магические, и никакой божественности ему не дают.

– Ты все еще злишься?

– Злюсь, – кивнул Ринальди. – Противно болтаться в Гальтарах, когда на севере вариты, на востоке – саймуры, а на юге – мятежники. Борраске не разорваться, а Эридани втемяшилось в голову, что наследника надо держать в сундуке. Можно подумать, я – последний в роду, а Эридани – евнух.

– Ну, пока он не женится, тебе лучше не рисковать.

– Спасибо, брат. Ты – настоящий Ракан. Когда появятся наследнички, я, стало быть, могу позволить варварам себя убить, но не раньше. А если мне на голову черепаха свалится или меня чей-нибудь муж отравит, тогда что?

– Ты же не веришь в судьбу.

– Не верю, но анакс из меня получится отвратный. Мне от того, с чем носится наш венценосный братец, скулы сводит... И вообще, что за подлая привычка всех загодя хоронить?

3

Мастер

Когда Диамни Кору переступил порог мозаичного домика, Лэнтиро Сольега задумчиво рассматривал эскиз, изображавший четверых величественных мужей в сияющих доспехах.

– Что думаешь? – мастер протянул ученику набросок.

– Добротная работа.

– Именно что добротная – из Вагáники выйдет хороший ремесленник, но мастером ему не стать. Тебя что-то беспокоит?

– Да, мастер. Я – дурной учитель. Мне хочется рисовать, а не сидеть в Цитадели с эпиархом, которому нет дела до живописи. Ты во мне ошибся...

– Вряд ли. Мальчику не хочется учиться, но кто сказал, что я послал тебя учить живописи Эрнани Ракана? Я послал тебя учиться жизни, Диамни. Вот его, – знаменитый художник помахал перед носом ученика злополучным эскизом, – я пошлю только на рынок за лепешками.

– Что-то с печью? – в голосе Диамни послышалось беспокойство. – Я сейчас...

– Успокойся, – Лэнтиро укоризненно покачал головой, – ты не насадка, а с печью все в порядке.

– Зачем же тогда идти за лепешками?

– Незачем, – великий Сольега плутовато улыбнулся. – Ты так и не научился понимать шутки. Нельзя быть слишком серьезным, если ты, разумеется, не анакс и не жрец-утешитель. Итак, ты хочешь отказаться от уроков?

– Да, но Эрнани... Он просит, чтобы я остался, но не хочет рисовать.

– Тогда останься и рисуй сам. Тебе нравятся Раканы?

– Трудно сказать... Эридани я видел близко всего несколько раз. Он выглядит властным, сильным и очень усталым. Мне кажется, анакс – справедливый человек, очень серьезно относящийся к своим обязанностям. Ринальди резок, сластолюбив, легкомыслен и жесток. Эрнани – очень милый юноша, к сожалению, влюбленный в своего беспутного брата.

– И эти люди оказались щитом Кэртианы на переломе эпох, – Сольега задумчиво потер переносицу, – законник, сорвиголова и калека. Это может быть как очень хорошо, так и очень плохо. Ты должен рисовать их, рисовать до одури. Натурщики глупы и нарочиты, а тебе посчастливилось оказаться в центре истинных страстей. В Цитадели должно смешаться все – предательство, верность, похоть, целомудрие, добро, зло, красота, уродство... Да, Диамни, тебе повезло! Хотел бы я вживую понаблюдать за анаксом, его братьями, высшими эориями, стражами, слугами, жрецами... Если роспись нового храма доверят мне, понадобятся все твои эскизы. Даже те, которые ты сам считаешь неудачными.

– Мастер... Откуда ты знаешь, что мне не нравится? Правду говорят: Лэнтиро Сольега – ясновидящий!

– Нет, всего лишь сидящий взаперти. Задерни занавеси и открой холст. Я хочу знать твое мнение.

– Это... это оно?!

– Возможно. Я еще ни в чем не уверен. Ты первый, кто увидит.

Он первый! Первый! Диамни с бьющимся сердцем раздвинул серые холщовые занавеси. Эту картину мастер начал полтора года назад, и она стала его жизнью. О чем бы и с кем бы ни говорил Лэнтиро, что бы ни делал, он думал о своем детище и вот сегодня решил показать его ученику.

Молодой художник мысленно сосчитал до сорока, поднял глаза и столкнулся со взглядами Ушедших Богов, вернее, уходящих. И как же они отличались от тысячекратно повторенных групп, украшавших храмы и богатые дома, какой нелепой выглядела попытка Ваганики передать величие и силу через напыщенность поз и бьющее в глаза сияние! Лэнтиро решил задачу по-своему, как, впрочем, и всегда!

Четверо еще не старых мужчин стояли на вершине горы, глядя вниз. Они прощались, уходили навсегда, оставляя то, что им дорого. Так нужно, таков их долг и их судьба, но как же мучительно рвать с тем, что составляет сам смысл существования!

Сольега не погрешил против канона, наделив Абвениев внешностью эориев из соответствующих домов и всеми тра-

диционными атрибутами. Астрап был высок, строен, золо-
товолок и черноглаз, у его ног лежал леопард, а за спиной
струился алый плащ с золотыми молниями. На плече Анэма
сидела ласточка, белизна птичьих перьев казалась особенно
ослепительной на фоне растрепанной смоляной гривы Вла-
дыки Ветров. Рядом застыл Хозяин Скал Лит. В серых глазах
Уходящего были мука и обреченность, сильная рука бездум-
но сжимала ошейник огромного пса. Последний из Абвени-
ев, Владыка Волн Унд, словно бы оторвался от остальных,
подойдя к самому краю обрыва. Бледное узкое лицо, обрам-
ленное каштановыми прядями, огромные зеленые глаза, за-
гадочные и глубокие, как само море. Унд казался совершен-
но спокойным и даже улыбался, но мастеру Лэнтиро удалось
передать нестерпимую боль, рвущую сердце бога. Нестерпи-
мую даже в сравнении с тем, что испытывали его братья.

– Он все же оставил ее, – тихо произнес Диамни, – оста-
вил, хоть и любил всей душой. Абвениаты не простят тебе
этой картины, мастер.

– Пусть их, – махнул рукой Сольега, – но с чего это ты
записал меня в еретики? Я все изобразил как должно.

– Мастер лукавит, – к Коро вернулась способность улы-
баться, – он прекрасно знает, что делает. Трое прощаются
с Кэртианой, четвертый со своей любовью, которую уносит с
собой в вечность. Трое надеются вернуться, четвертый знает,
что, если уйдет, возвращаться будет некуда. Трое исполняют
свой долг, четвертый предает. Он предает, уходя, и предаст,

оставаясь. И он все-таки уходит...

– Да, – кивнул Сольега, – ты понял правильно. Он ушел, она осталась, и никто не знает, смогла ли Оставленная умереть или любовь бога подарила ей вечную боль. Ее следы затерялись, а слезы высохли. Известно, что она не могла родить Унду сына, и ему пришлось взять другую женщину, от которой и пошел Дом Волн. Я нарисовал Уходящих, и если смогу нарисовать Оставленную, мой долг в этом мире будет исполнен.

– Не говори так!

– Отчего же? Каждый из нас приходит на землю во имя чего-то, просто многие об этом не задумываются. – Глаза Сольеги стали хитрыми. – Значит, тебе понравилось?

– Мастер! Ты еще спрашиваешь?

– Разумеется, спрашиваю. Я тщеславен, как все художники, просто некоторые считают нужным это скрывать. Мне думается, мы заслужили по кувшину хорошего вина, но вся беда в том, что по милости этого гнусного лекаря я не держу его в доме. Бегу от искушений, знаешь ли, но сегодня можно все. Да какое там можно, нужно! Ученик, ты пойдешь в лучшую таверну и раздобудешь нам лучшего вина, мы зажжем свечи и устроим себе праздник.

Диамни расплылся в невольной улыбке – радость учителя всегда его захватывала. Но какая картина! Ушедшие боги, какая картина!

4

Мастер

Лучшие вина в Гальтарах подавали в «Белой ласточке». Это было довольно далеко, но харчевня не закрывалась до глубокой ночи, а хозяин, как и все жители Гальтар, обожал мастера Лэнтиро. Диамни едва не рассказал явно продешевившему добряку о новой картине, но сдержался. Во-первых, «Уходящие» еще не завершены – небо не прорисовано и в нем не парит серая чайка Унда, а во-вторых, молодой художник отнюдь не был уверен, что жрецы с восторгом примут таких Абвениев. Лучше всего, если первыми зрителями станут братья Раканы; то, что понравится анаксу, понравится и Абвениарху.

От мыслей о Лэнтиро и его творении художника отвлек звук свирелей и барабанный бой. Диамни и не заметил, как добрался до нового храма Ветров, где пришлось задержаться, пропуская молящихся. От Эрнани художник знал, что Беатриса Борраска, супруга стратега Лорио, каждый вечер молит Ушедших сберечь полководца и даровать победу его мечу. Последнее время Беатриса отчего-то предпочитала говорить с небесами в городе Ветров, хотя храмов в Цитадели хватало; говоря по совести, их могло бы быть и поменьше. Художник поудобнее перехватил оплетенный веревками бочонок и от нечего делать принялся рассматривать про-

цессию, которой предстояло четырежды обогнуть помпезное здание.

Первыми шли Беатриса и сопровождавший ее Ринальди Ракан. Личико эории светилось восторгом и надеждой, приотставший на пару шагов эпиарх-наследник откровенно сучал. Диамни слышал, что отозванный венценосным братом из армии Ринальди рвется назад, на север, и в придачу терпеть не может жрецов, но Эридани был неумолим.

Художник отступил в тень – попадаться на глаза эпиарху, когда тот злился, было небезопасно: и без того вспыльчивый Ринальди в такие моменты превращался в сущего демона. Знал ли об этом выскочивший перед самым носом Беатрисы эсператистский проповедник, осталось тайной.

Юная женщина отшатнулась и замерла, испуганно распахнув огромные глаза, а эсператист вытянул худую, покрытую язвами руку, целясь куда-то между эпиархом и эорией, и возопил:

– Я вижу тебя насквозь, отродье беды! Ты носишь в себе Зло. Покайся! Создатель ведает все про всех, от Него ничего не скроется! Что б ни свершил и ни замыслил смертный, если он не открыт Создателю и слугам Его, не ждать ему милости за гробом. Все зло на свете от лжи пред лицом Его!..

Исступленные вопли завораживали. Смысла в выкрикиваемых оскорблениях и угрозах не было ни малейшего, однако люди медленно пятились от беснующегося проповедника и словно бы сжавшейся в комок женщины. Жрецы и

храмовые служители откровенно трусили, а Беатриса ходила без охраны и свиты, словно и не была женой главы Великого Дома и лучшего полководца Золотой Анаксии, да и что могла сделать охрана? В таких случаях кто-то должен отдать приказ или подать пример.

– Для Него твоя ложь – шелуха! – надрывался проповедник, упорно тыча пальцем куда-то вперед. – Твое сердце черней зимней ночи. Ты – зло иместилище Зла! Ты – проклятье Кэртианы, ты...

Ринальди прыгнул вперед, подхватил тщедушное дрыгающееся тельце, поднял над головой и с силой отшвырнул. Отчаянно вопя, кликуша пролетел над перевернутой тележкой, врезался в угол дома и замолк. Его череп был разбит страшным ударом; со своего места Диамни отчетливо видел отвратительные маслянистые брызги и темную кровь. Какой же мощью нужно обладать, чтобы сотворить такое! Или дело не только в силе рук? Художник торопливо перевел взгляд на эпископа. Ринальди стоял совершенно неподвижно, слегка выставив вперед левую ногу и скрестив руки на груди. Поднявшийся ветер трепал светлые волосы наследника престола, напоминая о том, что это человек из плоти и крови, а не статуя и не картина. Сколько это продолжалось, художник не понял, затем откуда-то вылез откормленный кот с синим храмовым ошейником и, подергивая хвостом и принюхиваясь, двинулся к трупам.

Ринальди усмехнулся, очень медленно обвел глазами за-

мерших гальтарцев и повернулся к дрожащей Беатрисе. Диамни не мог слышать, что они говорят друг другу, да художник этого и не хотел. Убитый был омерзителен, убийца – страшен. Безумный эсператист угадал: эпиарх – это зло. Страшно даже подумать, что станет с анаксией, со всей Кэртианой, если Эридани умрет бездетным, а венец и вместе с ним Сила достанутся Ринальди.

5

Эпиарх

Об исчезновении Беатрисы Борраска Эрнани узнал от брата. Эридани, похожий в своем четырехцветном плаще на огромный боевой корабль, вошел в комнату, когда они с Ринальди смеялись над поэмой Номирита́на Энарского, распившего войну котом и собак так, словно это были люди.

Хмуρο поздоровавшись, анакс прикрыл за собой дверь и обернулся к Ринальди:

– Мне сказали, ты тут.

– И в порядке исключения не соврала. Ты только послушай: *«Я презираю хвостами крутящее племя, псы рождены пресмыкаться, и в этом их глупое счастье»*, – это кот говорит. А собака ему отвечает: *«Твари негодные, вы для себя лишь живете, вам никогда не понять, что такое служенье и верность»*.

– Прекрати! – Густые брови Эридани сошлись к переносице. – О Номиритане потом, хотя не думаю, что ты оказываешь Эрно услугу, снабжая его подобными виршами.

– Ну что ты, – Эрнани виновато улыбнулся, – это так занятно...

– Сказал же, о котам и писакам потом. Ринальди, где Беатриса?

– Борраска? – удивленно переспросил Рино. – Откуда мне

знать? Видимо, на своей вилле.

– Ее там нет, уехала с двумя служанками прошлым утром. Сестра Лорио полагает, что в храм. К вечеру эория не вернулась, на вилле решили, что она осталась в Цитадели или в городском доме, только Беатриса не появлялась ни там, ни там.

– Значит, старик рогат, – покачал головой Ринальди. – Что ж, этого следовало ожидать. Не скажу, что я в восторге, но жениться в пятьдесят с лишним на семнадцатилетней и пропадать на войне – недальновидно.

– Рино, – Эридани сдерживался из последних сил, – если ты знаешь хоть что-то, скажи. Лорио оставил жену на меня, что я ему скажу? Беатриса не из тех, кто сбегает с любовниками, кому это знать, как не тебе!

– Да, я не в ее вкусе, – зевнул Ринальди, – и это, к счастью, взаимно.

– Прекрати валять дурака! – на скулах анакса заходили желваки. – Я знаю, что ты в маске забрался к Беатрисе в спальню и она тебя выставила. За какими кошками тебя туда понесло?! Что ты там делал?

– Ничего, – пожал плечами эпиарх. – Вежливость требует добавить «к сожалению», но Беатриса в ночной рубашке еще хуже, чем в платье. Созерцать ее обнаженной меня, скажем так, не тянуло, это тебе нравится спать на терках.

– Ринальди!

– Ты спросил, я ответил.

– Я не просил тебя обсуждать внешность эории Борраска. Что ты делал в ее спальне?

– Собирался ее спасти. Мне передали письмо от ее имени и с ее печатью. Дескать, за ней охотятся эсператисты, она не знает, что делать, подозревает кого-то из родичей Лорио, но не может доверить бумаге всего, что знает, и просит меня после полуночи пробраться к ней в спальню. Окно обещала оставить открытым. Так, кстати, и было.

– Письмо сохранилось?

– Нет, я его порвал.

– Ты всегда так делаешь?

– Почти.

Это было правдой. Ринальди не хранил писем, возможно, потому, что слишком часто менял любовниц. Не врал он, и когда говорил о своих пристрастиях. Брат предпочитал чернокудрых смешливых красоток, полногрудых и широкобедрых. Хрупкая болезненная Беатриса с ее льняными волосами и лучистыми голубыми глазами была ему без надобности. Видимо, Эридани подумал о том же, потому что лицо его прояснилось.

– Какое счастье, что Лорио не женился на корове, иначе тебе бы никто не поверил. – Улыбка анакса погасла так же быстро, как и появилась. – Что ж, придется перерыть все эсператистские притоны и допросить слуг. Если письмо писала не Беатриса, то кто-то из ее окружения.

– Пускай заодно поищут и Гиндо, бездельник опять удрал.

Наверняка увязался за какой-нибудь сукой.

– Твой пес старается не отстать от хозяина, только и всего.

– Верно. – Наследник прищурил глаза. – Эсператисты эсператистами, но Лорио второй раз не женится. Нельзя забывать возможных наследников, Дом Ветров – штука вкусная.

– Ринальди, раз уж ты заговорил о женах... Тебе придется жениться одновременно со мной.

– Как скажешь, но, – эпиарх предупредительно поднял палец, – во-первых, избавь меня от скелетов, какими бы знатными они ни были, а во-вторых, моя будущая благоверная должна понимать, что, кроме супружеского долга, ей особо рассчитывать не на что.

– Кот гулящий, – анакс беззлобно стукнул брата по плечу, – и когда ты только уймешься?

– Коты не унимаются никогда, – с гордостью сообщил Ринальди, листая творение Номиритана. Вот: *«Те, кто считает, что любимся мы лишь весной, мало что знают о племени нашем великом. Осенью, летом, зимой, всегда мы к посеву готовы...»* М-м-м, то, что идет дальше, и впрямь при анаксах и добродетельных юношах вслух лучше не произносить.

6

Мастер

Первым порывом мастера Коро было увести Эрнани с Анэмовой площади, где они зарисовывали старые кипарисы. Вернее, Диамни рисовал, а Эрнани просто сидел рядом, и все же непонятное напряжение первым почувствовал не он, а увлеченный работой художник. Именно в этот миг следовало встать и убраться, но мастер промедлил, а потом стало поздно – из-за Рассветной башни почти выбежала обнаженная женщина, явно беременная, за которой следовали несколько десятков человек. От неожиданности Диамни вскочил, уронив дощечку для растирания красок, а женщина до странности легким и стремительным в ее положении шагом проскочила невольных зрителей и, словно натолкнувшись на невидимую преграду, остановилась у серебристо-серой плиты, на которой был выбит знак Ветров. И тут художник ее узнал. Пропавшая в начале прошлой осени Беатриса Борраска... Но, дети Заката, что же с нею случилось!

Эория была бледна и худа, словно после длительной болезни. И без того маленькое личико стало совсем крохотным, и в нем не было ни кровинки, а обведенные черными кругами глаза горели каким-то исступленным огнем.

Диамни никогда не имел дела с беременными, но даже ему было ясно, что Беатрисе скоро рожать. Затем художник

сообразил, что ребенок эории не может быть от усмирявшего гайифских мятежников мужа. Мастер Коро ошалело разглядывал замершую на сером камне фигурку с огромным животом, ничего не понимая и опасаясь худшего. Несмотря на охватившее его предчувствие беды, Диамни оставался художником – он бы и рад был ничего не видеть, но глаз произвольно отмечал синяки на щеке, руках и бедрах, какие-то отметины, похожие на плохо зажившие укусы, следы от веревок на руках и шее. Льянные волосы эории Борраска, прежде составлявшие предмет зависти множества красавиц, были растрепаны и спутаны, набухшие соски казались кровавыми ранами.

Анэмова площадь стремительно заполнялась дворцовыми слугами, свободными от стражи воинами, оказавшимися поблизости эориями и жрецами. Если Беатриса в таком виде шла через нижний город, то за ней валила целая толпа, хорошо, что в Цитадель вправе входить лишь эории и те, кто служит им и анаксу. И все равно народу собралось слишком много. Диамни с наслаждением разогнал бы любопытных бичом для скота, но он был всего лишь безродным художником, приставленным развлекать калеку-эпиарха, и мог лишь дивиться человеческой черствости. А вот Беатрису чужие взгляды, похоже, не задевали. Глядя на топтавшуюся по вихрю Анэма женщину, Диамни все больше убеждался, что она повредилась рассудком. Несчастную нужно увести. Кто бы ни был отцом ее ребенка, сейчас это неважно. Кажется,

он сказал это вслух, потому что Эрнани сжал руку художника и прошептал:

– Она здесь по Праву Ветров.

– По праву? – Диамни совершенно не к месту подумал, что юноша, вероятно, впервые видит обнаженную женщину во плоти.

– Принадлежащий к великому дому ступает на его знак, когда требует защиты Абвениарха и суда анакса.

Конечно! В Цитадели четыре башни и четыре площади, посередине каждой – плита с символом. Почему он никогда не задумывался, зачем все это? Древние ничего не делали просто так, но что случилось с Беатрисой? Она беременна, и явно не от мужа. Борраска с, как выразился мастер Лэнтиро, полупобедой возвращается из Паоники лишь через несколько дней. Хорошая же новость его ждет!

Рваные звуки свирелей возвестили о появлении Абвениарха, чья резиденция находилась по другую сторону Рассветной башни. Богопомнящий медленно, с достоинством, пересек площадь и остановился перед замершей женщиной, опираясь на серебристый Весенний посох.

– Именем Ушедших, дочь Анэма! Ты просишь милосердия или справедливости?

– Справедливости! – выкрикнула Беатриса. – И вместе со мной ее ждут все жители Гальтар! Богопомнящий, я не думала, что под небесами может существовать подобное зло, но оно существует... Оно ходит, смеется, топчет самое свя-

тое, что есть в наших душах...

– Успокойся, дочь Анэма. – Абвениарх говорил очень медленно и очень ласково. Он был умным и опытным человеком, а Беатриса – отнюдь не первой безумицей, которую ему приходилось успокаивать.

– Нет и не будет мне покоя, пока этот человек... Нет, Богопомнящий, это не человек! Люди и даже звери не могут быть такими! Его должны покарать... – Голос женщины задрожал. – Во имя Оставленной и всех слез ее, он не должен уйти!

– Анакс справедлив, – мягко произнес Богопомнящий, – а слуги Ушедших милосердны. Кто твой обидчик и что он сотворил?

– Мой обидчик? – Огромные глаза стали еще больше, казалось, женщину безмерно поразило это слово. – Мой обидчик?.. Прошлой осенью я отправилась в храм Анэма... Я каждый день молила Ушедших о милости к моему супругу, но я... В тот день я не добралась ни до храма, ни до города. Меня похитил Ринальди Ракан! Моих спутников, кроме возницы, оказавшегося сообщником эпиарха, убили, а эпиарх... Я умоляла его отпустить меня, говорила о чести эориев, о воинской славе, о том, как его любит мой супруг, но Ринальди думал лишь о мести. Нам обоим! Лорио отослал его из армии, а я... я отказала ему в любви. Тогда эпиарх решил взять меня силой. И взял... Он приходил каждый день, пока не убедился, что я понесла. Тогда он отдал меня своим слу-

гам и своей собаке, а сам смотрел... Вместе со своей новой женщиной. Смотрел и смеялся. Потом ему наскучило и это, он приказал меня убить, но двое из слуг и... и Василика... Они оказались добрыми людьми. Они боялись Ринальди, но не смогли смириться с убийством... Они отравили пса и помогли мне бежать. Они готовы подтвердить, что я не лгу, если их защитят от... от...

– Я слышал твои обвинения, дочь Анэма. – Голос Богопомнящего был по-прежнему мягок, голос, не глаза. Еще бы! Жена главы одного из Великих Домов и лучшего полководца анаксии обвиняет брата и наследника анакса.

– Я тоже слышал. – Диамни не понял, откуда вышел Эридани. Загорелое лицо анакса казалось маской. Он сбросил плащ и передал одному из воинов. – Я стану говорить с тобой, эория Борраска, но лишь когда ты прикроешься.

Беатриса вздрогнула, когда на ее плечи лег четырехцветный плащ. Эридани был высок даже для мужчины из рода Раканов, эория Борраска не достала бы ему и до плеча. Плащ не только закутал женщину с головы до ног, но и церемониальными складками лег на камни двора. Прикрыв наготу, Беатриса разом утратила всю свою решительность и ярость. Испятнанные многочисленными синяками руки вцепились в толстую материю, неправдоподобно огромные глаза моляще и потерянно глядели на Эридани.

– Итак, – раздельно произнес тот, – ты обвиняешь моего брата Ринальди в похищении и насилии?

Беатриса опустила голову, спутанные льняные пряди почти полностью скрыли ее лицо.

– Да или нет? – голос был бесстрастен, но Диамни почти не сомневался: будь на то воля анакса, женщина до Цитадели не добралась бы.

– Да, – пролепетала она, – это правда...

– Приведите эпиарха-наследника, – распорядился Эридани и замолк. Молчали все – слуги, стражники, эории. Диамни навсегда запомнил эту сцену – серебристая Рассветная башня, часть блестящей на солнце стены, вековые кипарисы, загадочные и настороженные, словно закатные кошки, и маленькая растрепанная женщина в очень длинном плаще. Художник видел, что Беатриса держится из последних сил, худенькое личико казалось алебастровым, губы посинели, а багровые пятна на бескровной щеке выглядели нелепо, словно пятна краски.

Ожидание было недолгим – эпиарх был из тех, кого трудно найти в постели ночью и проще простого поздним утром.

Видимо, воин, ходивший за Ринальди, рассказал ему, зачем его призывает анакс, потому что красивое лицо эпиарха не выражало ни удивления, ни сострадания, ни страха. Только брезгливость.

– Мой анакс хотел меня видеть.

– Да. Эория Борраска обвиняет Ринальди Ракана в насилии. Что ответит обвиненный?

– Ложь, – эпиарх усмехнулся, и это показалось Диамни чу-

довищным. – Эория провела зиму с пользой и удовольствием, но потом вспомнила, что у нее есть супруг, и испугалась.

– Ринальди! – Отчаянный крик Беатрисы заставил художника вздрогнуть. – В тебе осталось хоть что-то человеческое?!

– Кто знает, но моя суть, эория, не имеет никакого отношения к твоему животу. – Наследник повернулся к Эридани: – Я клянусь, что она или безумна, или замечает следы, а ее так называемые свидетели подкуплены или запуганы.

– В том числе и некая Василика?

– Василика? – Ринальди приподнял бровь. – Ах да, Василика... Родимое пятно в виде полумесяца под левой грудью и черные волосы до колен. Тогда это не страх, а золото. Если моя любовница меня продала, то взяла она дорого.

– Эория утверждает, что Ринальди Ракан отдал ее сначала своим слугам, затем своему псу.

Анакс говорил о брате так, словно его здесь нет. Видимо, это что-то означало, но Диамни не знал, что именно.

– А что говорит пес?

Воистину у этого человека нет ни души, ни сердца!

– Пес убит. Чтобы эория могла бежать, один из сочувствовавших пленнице слуг подсыпал собаке яд.

– Значит, Гиндо сначала украли, а потом отравили для пущей достоверности. Бедняга... Если это, разумеется, был Гиндо.

– Ринальди Ракан отрицает свою вину?

– Да.

– Беатриса Борраска настаивает на своем обвинении?

– Мой анакс! Это сделал он... он...

– Прошу назвать имя.

– Ринальди Ракан, брат и наследник моего анакса!

– Что скажет Абвениарх?

Богопомнящий говорить не спешил, с многозначительным видом глядя в небо. Его не торопили – как же, непредвзятый и милосердный судия!

Жрецов Диамни Коро недолюбливал. Главным образом потому, что вездесущие зануды требовали расписывать храмы по раз и навсегда заведенным правилам. Мало того что им требовались грозные, окруженные сиянием болваны, их предписывалось изображать в одних и тех же дурацких и напыщенных позах. Этого ученик великого Лэнтиро простить не мог. Что до самой сути абвениатства, то до нее художнику дела не было. Боги ушли, обещали вернуться, но не вернулись. Кто-то их ждет, а кто-то, как сам Диамни и его учитель, прекрасно обходится и без них, занимаясь тем, что любит. Правда, заставь кто-нибудь мастера Коро выбирать между абвениатами и эсператистами, он бы не колебался. Грязные оборванные кликуши, требующие прилюдного покаяния и ползанья на брюхе перед кем-то незримым, были художнику отвратительны. Уж лучше старые и привычные боги, тем более они ушли.

Абвениарх наконец что-то надумал, и Диамни показалось,

что он очень доволен собой. Холеная рука поднялась в ритуальном жесте.

– Пусть Беатриса Борраска поднимется на холм Абвениев. Если ее ребенок от семени Раканов, Ушедшие его признают. Если нет, не о чем и говорить.

Ай да Богопомнящий! Ай да умница! Все правильно! Женны эориев, ожидая ребенка, проходят испытание, ведь силу можно завещать лишь мужчине своей крови. Если Ринальди невиновен, боги оттолкнут Беатрису и ее дитя.

– Эория готова подняться на холм Абвениев? – голубые глаза Эридани не сулили ничего хорошего.

– Да!

– Что ж, – Эридани холодно взглянул на закутанную в четырехцветный плащ женщину и еще холоднее на брата, – быть по сему. Завтра утром эория Беатриса поднимется на холм Абвениев и докажет свою правоту. Если обвинение подтвердится, эпиарх-наследник предстанет перед судом высших эориев. Если нет и если после этого обвинительница не докажет, что оклеветать брата анакса ее вынудили, судить будут клеветницу. До того, как я данной мне властью разбужу силы Ушедших, обвинительница может отказаться от своего слова, а обвиненный признать свою вину, обретя право самому оборвать свою жизнь. И да вразумят Абвение того, кто лжет.

Ринальди пожал плечами и легкой, раскованной походкой направился в сторону дворца. Перед ним расступались, как

перед прокаженным, но эпиарх, кажется, этого не замечал. Четверо воинов, повинуясь взгляду анакса, подошли к Беатрисе. Оказавшись среди высоких плечистых мужчин, она казалась совсем крохотной. Неистовый, словно бы сжигавший женщину изнутри огонь погас, остались ужас и безнадежность. Бедная девочка, что же ей довелось вынести, если она решилась открыть свой позор и потребовать суда!

– Воины, – голос анакса оставался все тем же бесстрастным и холодным, – вы отвечаете за безопасность обвинительницы головой. Завтра она в сопровождении эориев Дома Ветров должна явиться к холму Абвениев, чтобы подтвердить или же опровергнуть сказанное.

Это тоже обычай, или Эридани опасается за жизнь Беатрисы? Мастер Коро был в Цитадели чужаком и не знал многого, очевидного эориям, слугам и воинам. Обычно Диамни спрашивал своего ученика, и тот с радостью объяснял, но сейчас на юношу было страшно смотреть.

Мастер Коро никогда не любил эпиарха-наследника и не верил ему, а после случая у храма Анэма стал бояться. Теперь его правоту подтвердила сама жизнь, но художник дорого бы дал за то, чтобы ошибиться.

– Диамни, – Эрнани попытался улыбнуться, – завтра все прояснится, вот увидишь.

– Безусловно, Эрнани.

Прояснится уже этой ночью. Анакс – хороший брат, и он все понял сразу, потому и отложил испытание. Ночью Ри-

нальди исчезнет из Гальтар, как исчез его дружок Чезаре, и останется лишь молить Абвениев, чтобы негодяй где-нибудь сломал себе шею. Лишить эпиарха наследства может лишь анакс по приговору высших эориев, причем вынесенному в присутствии обвиняемого. Сбежав, Ринальди останется преемником брата до своей смерти или рождения племянника. Если Эридани умрет, не оставив потомства, власть по закону перейдет к насильнику и лжецу, где бы того ни носило.

По-человечески поступок анакса понятен, но его долг покарать преступника именно потому, что тот имеет права на трон. Будь Ринальди честным человеком, он бы воспользовался отпущенным ему временем, чтобы покончить с собой. Какая чушь! Будь он честным человеком, он не стал бы мучить отвергшую его женщину.

– Диамни, я... – шепот Эрнани был каким-то горячечным, – я должен поговорить с Рино! Если он не придет ко мне вечером, я сам схожу к нему, когда все уснут.

– Разумеется, Эрнани. Твое сердце делает тебе честь.

Ты придешь к запертой двери, мальчик, и там наконец поймешь, кого обожал столько лет.

Эпиарх

В комнатах Ринальди было темно, тихо и пусто, и Эрнани подумалось, что если брат виновен, его уже нет ни в Цитадели, ни в Гальтарах. Юноша все же прошелся молчаливой анфиладой. Брат с детства любил зеркала, это и впрямь было красиво, но сейчас глядящие друг на друга глубокие стекла производили жуткое впечатление. Эпиарху казалось, что он стоит на перекрестье ведущих в бесконечность коридоров, по которым в никуда бредут темные фигуры со свечами. Это было страшно, юноша чувствовал на себе чьи-то взгляды, за его плечом стоял некто молчаливый и недобрый. Убеждать себя, что все дело в обычном страхе человека перед ночью и неизбежностью, становилось все труднее, слишком сильным было ощущение чужого присутствия в молчаливых, словно бы вымерших комнатах. Рино бежал, осталась пустота и что-то, чему нет названия.

Юноша как мог быстро поковылял назад, туда, где был свет и живые люди, а не полные призраков зеркала. В своих комнатах ему стало стыдно – мало того что он уродился калеккой, он еще и трус! Испугаться тишины и повешенных друг против друга освинцованных стекол, мимо которых проходил десятки раз. В безлюдности покоев эпиарха не было ничего загадочного, просто Эридани снял стражу, давая брату

шанс на спасение. Золотые Земли велики, но за проливом лежат Багряные; там иные законы и иная жизнь. Черноглазые белобрысые мориски ценят в других не честь, а дерзость, силу и смелость, Рино с ними поладит, возможно, даже отыщет своего побратима. Теперь беглецами стали оба...

Когда совет эориюв, поддержав требование Дома Скал, повелел убрать с Горусской арки имя Чезаре Марикьяре, Ринальди впал в неистовство. Эридани как-то унял эпиарха-наследника, но каменотесам пришлось сбивать с красного мрамора еще и имя Ринальди Ракана. Как же анакс с наследником тогда орали друг на друга. Рино кричал, что уже сделанное принадлежит тем, кто делал, Эридани не желал марать победы подлостями хоть бы и победителей. Борраска согласился с анаксом, и на арке осталось одно имя из трех, имя стратега Лорио. Не из той ли размолвки вырос нынешний кошмар? Эрнани всем сердцем желал, чтобы брат оправдался, но на это почти не надеялся. Как и Эридани, иначе б анакс не отложил испытание до утра. За ночь можно уехать далеко, а незаметно выбираться из Цитадели Рино умел.

Эпиарх подошел к заваленному свитками и рисунками столу и столкнулся со взглядом Владыки Молний, Осени и Заката – взглядом Ринальди. Брат не счел нужным и возможным зайти попрощаться, видимо, не желал неизбежных разговоров о Беатрисе. Но как он мог так поступить с женщиной? С супругой человека, на мече которого держится анаксия? Без Лорио Золотая Анаксия уже бы раскололась,

или Эридани пришлось бы призвать Зверя. Если только это в его власти... Слова Ринальди о силе Раканов слишком подходили на правду. Эрнани взял набросок и поднес к глазам – неужели они больше никогда не увидятся? Вечная разлука с живым страшнее прощания с мертвым. Юноша находил поступок брата гнусным, но был слишком к нему привязан, чтобы желать торжества справедливости. Окажись на месте Рино любой другой эорий, Эрнани без колебаний требовал бы для него самой страшной кары, но Ринальди! Младший из братьев Раканов так и просидел до утра, то вновь и вновь вглядываясь в дерзкое смеющееся лицо, то пытаясь читать о войне собак и кошек, но книга жгла руки и больше не смешала.

Неужели брату так нравится поэма Номиритана потому, что кошачий повелитель Леофбр Змеехвостый говорит то, что Рино думает? Кот издевался над собачьей верностью и честью, думал лишь о кошках и войнах, устраивал подлые каверзы всем, кто его чем-то задевал. Леофор заманил в охотничий капкан отказавшую ему в любви лисицу, овладел ею, а на ее лиса навел охотников. Эрнани стало стыдно, когда он вспомнил, как они с Ринальди смеялись над этой сценой, но разве брат поступил с Беатрисой иначе?

Юноша оттолкнул вдруг ставшую отвратительной поэму. Эридани прав, ее нужно запретить. И все-таки хорошо, что Ринальди спасся! Может быть, в дальних краях он изменится к лучшему... Эпиарх взглянул в окно, потом на песочные

часы. Пора собираться! Главное, не подать виду, что он знает об исчезновении брата. Ринальди вечно опаздывает на церемонии, нужно тянуть, уговаривать подождать. Чем позже будет послана погоня, тем больше шансов у беглеца уйти. Эрнани, как мог, быстро переоделся – он терпеть не мог подпускать к себе слуг – и послал за мастером Коро, чья помощь не унижала. Художник появился очень быстро, наверное, тоже не спал. Диамни казался смущенным, и эпиарх понимал почему – учитель не любил Ринальди и не скрывал этого, но, когда его опасения подтвердились столь чудовищным образом, почувствовал себя предвестником несчастья.

– Только не говори, что тебе очень жаль, – Эрнани постарался улыбнуться, – просто помоги добраться до места.

– Охотно, мой эпи... – художник прервал себя на полуслове, – разумеется, Эрнани, я помогу. Мне давно хотелось рассмотреть обелиски вблизи, а потом зарисовать. Это очень древнее место.

– Да, считается, что сперва появились они, потом – Цитадель и Кольца, и уже последними Великие башни...

Они шли и разговаривали о древних Гальтарах и их неприступных стенах-кольцах, не сложенных из камней, а словно бы выросших из земли. Эрнани рассказывал о Цитадели, в которой живут эории, и о подземных лабиринтах. Диамни пытался понять, для чего нижний город разделен на четыре части стенами не менее толстыми и высокими чем внешнее Кольцо, так что попасть из города Ветров в город

Молний можно лишь пройдя по внешнему или внутреннему Кольцу, и то не напрямую. Мастер и эпиарх гадали, кому могли понадобиться башни без входа и выхода и что означают символы, выбитые на оседлавших вершину холма обелисках. Они говорили обо всем, но не о том, что неотвратимо приближалось. Ринальди исчез, и его позор ляжет на плечи Эридани, Дом Ветров не простит анаксу бегства насильника.

8

Эпиарх

На четырех пологих лестницах, ведших на вершину холма, стояли стражи в анаксианских цветах, а ближе к вершине на круговой террасе ждали главы Домов Молний и Скал. Энио Марикьяре в алом, расшитым золотыми зигзагами плаще казался недоумевающим и расстроенным, пожилой Повелитель Скал угрюмо смотрел в землю.

– Странное дело, – Диамни, как мог, пытался отвлечь своего ученика от дурных мыслей, и Эрнани был ему за это благодарен, – как все смешалось! Некогда детей Астрапа узнавали по черным глазам при очень светлых волосах, а у Повелителей Скал были серые глаза и темные волосы, а что теперь? Марикьяре темноглаз и темноволос, старик Надорэа рус, а ты похож на потомка Унда куда больше нынешнего главы Дома Волн.

О Повелителях Ветров не было сказано ни слова. Диамни не сомневался в вине Ринальди и не желал бередить рану, но Эрнани Ракан должен драться до конца. Он станет говорить и о Доме Ветров, и о брате, который, как всегда, проспал, но вот-вот примчится.

– Ну ты же знаешь, – главное, не молчать, не молчать и не коситься в сторону обелиска Анэма, откуда должна появиться Беатриса. – Раканы пошли во всех Ушедших вместе и ни

в кого в отдельности. И друг на друга мы тоже не походим. Ринальди достались лицо Астрапа и глаза Унда, Анэсти лицом удался в Унда, а статью – в Лита и при этом был голу-боглаз. Эридани – вылитый Анэм, как его рисуют, зато про Лорио даже не скажешь, что он зорий, хотя его мать приходилась сестрой нашему деду. Впрочем, откуда нам знать, какими были Абвении на самом деле? Ринальди говорил...

– Я много чего говорил. – Ринальди Ракан в придворной одежде стоял за спиной Эрнани и улыбался, светлые волосы наследника украшала церемониальная диадема, но в руках эпиарх держал ветку сирени.

– Рино! – Эрнани не находил слов. – Ты... ты тут?!

– А где ж мне еще быть? – удивился братец, помахивая своей веткой. – Здравствуй, мастер. Ты собрался все это... изобразить?

– Я...

– Я заходил к тебе ночью... – не выдержал Эрнани. – Тебя не было. Никого не было.

– Я выходил в город, захотелось развеяться после вчерашнего. А ты, никак, вообразил, что я удрал?

– Что ты... Я...

– Так ты или я? – Ринальди отбросил цветок. – Ты уж сделай милость, определись.

– Да, – еле слышно произнес Эрнани, – я так подумал. Эридани убрал стражников, перенес испытание на утро... и потом эти свидетели... и собака.

– Сколько раз можно говорить, что это не Гиндо! А хоть бы и он. Бедняга пропал полгода назад, мало ли в чьих руках он мог оказаться... Как бы то ни было, мне жаль Лорио, хорошенький подарочек его ожидает!

«Хорошенький подарочек...» Борраска не переживет измены жены. Неужели Рино не виновен? Похоже на то, виновные так себя не ведут.

– Извини, я думал...

– Это признак благородного происхождения, братец, – пожал плечами Ринальди. – Мы, эории, склонны верить любой гадости, сказанной о другом, но ужасно обижаемся, когда в гадостях обвиняют нас. О, а вот и обвинительница! Сегодня она выглядит получше. Все-таки некоторым женщинам лучше не раздеваться.

Беатриса Борраска в сопровождении родичей Лорио поднялась на террасу, не приняв ничьей помощи. Широкое, без пояса, закрытое платье цветов Дома Ветра – синего с белым – усугубляло и без того запредельную бледность женщины. Льянные волосы Беатрисы были убраны в серебристую сетку, это было единственным украшением, которое она себе позволила. Обведенные темными кругами глаза эории смотрели куда-то вверх – то ли на обелиск Анэма, то ли в небо. Не верилось, что эта измученная девочка могла обнаженной, с растрепанными волосами пройти через весь город и потребовать суда над насильником. И еще меньше верилось, что она способна солгать. Неужели и впрямь эсператисты? Ре-

шили отомстить за своего проповедника или опозорить полководца, разбившего принявшего новую веру самозванца? Но теперь Беатрисе ничего не грозит, почему бы ей не сказать правду?

Магии анакса хватит на то, чтоб защитить одну-единственную эорию, а Лорио предпочел бы, чтоб его жену обесчестили враги, а не эпиарх, которого он учил владеть мечом. Если, конечно, здесь можно говорить о предпочтении...

Звуки флейты и барабана возвестили о появлении анакса и Абвениарха, за которым шли три беременные женщины – одна эория и две простолюдинки. На поясе Эридани сверкал камнями церемониальный меч Раканов. Обычно брат носил при себе другое оружие, выкованное лучшими оружейниками Гальтар, а этот, широкий и короткий, висел в тронном зале. Там же хранились венец и увенчанный мерцающим лиловым камнем жезл, который анакс сжимал в руке. Реликвии повелителей Золотых Земель мирно спали веками, тая в себе древние силы, но сегодня они увидели солнечный свет.

Эридани хмуро оглядел глав Великих домов, обвинительницу и братьев. При виде Ринальди тяжелые веки чуть заметно дрогнули – анакс был поражен, но он всегда умел скрывать свои чувства. Под внимательным, взыскующим взглядом брата Эрнани стало страшно. Юноша вновь почувствовал себя стоящим на перепутье с догорающей свечой; в четыре стороны от него тянулись бесконечные проходы, и лишь один вел к свету.

– Эория Беатриса, – младший эпиарх ждал этих слов и все равно вздрогнул, – подтверждаешь ли ты свое обвинение? Если тебя силой или обманом вынудили взойти на чужое ложе и обвинить невинного, мы прощаем твой грех вольный и невольный в обмен на имена истинных виновников.

– Мой анакс, – Беатриса начала едва слышно, но затем возвысила голос, – я подтверждаю обвинение. Я подтверждаю, что эпиарх Ринальди из рода Раканов похитил меня и полгода продержал в своем убежище. Я подтверждаю, что он силой овладел мною и брал меня еще и еще, пока не убедился, что я забеременела. Я подтверждаю, что отец ребенка, которого я ношу, – эпиарх Ринальди... Я... я понимаю, какую боль это принесет моему супругу и моему анаксу. Я бы отреклась от своих слов, если б Ринальди Ракан не был наследником, но... Но человек, поступивший... сделавший это со мной, способен на все. Он не должен оставаться на свободе, он не должен носить титул эпиарха-наследника... И поэтому я обвиняю его! Я готова пройти испытание, и я говорю правду, клянусь Ундом и Анэмом!

– Брат наш Ринальди, – Эридани говорил чуть медленнее, чем обычно, Эрнани понял, что каждое слово дается брату с трудом, – продолжаешь ли ты настаивать на испытании или признаёшь обвинение?

– Мне жаль Лорио Борраску, – в голосе Ринальди не было обычной насмешки, – но я не желаю приносить свою честь в жертву его покою. Я не трогал эту женщину ни по ее доброму

согласию, ни против ее воли.

– Ты сказал, я услышал. Что ж, боги ушли, но их сила и их кровь с нами и в нас. Они дадут ответ, истинный и единственный. Братья мои, идите за мной.

Анакс начал медленно подниматься по пологой лестнице, Ринальди крепко подхватил Эрнани за локоть и двинулся следом. Юноша ковылял, опираясь на сильную руку брата, и рядом с ними шел тот самый невидимка, что бродил ночью по покоям наследника. Эрнани чувствовал его присутствие, но не решался прервать начавшийся ритуал, да и разум настаивал на том, что чужак не более чем порождение воспаленного воображения. Будь иначе, братья бы тоже что-то почувствовали, особенно Ринальди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.